

Двору Цижуй по жребью выпало сдавать экзамен третьим. Е Мянью стоял в строю вместе со своими приунывшими одноклассниками, притихнув, словно мыши. Он мысленно повторял важные места, которые отметил вчера в записях. При этом он то и дело сглатывал слюну, поглядывая на латунную линейку в руках инспектора дисциплинарной палаты.

Когда Е Мянью успешно повторил про себя два самых важных отрывка, он немного перевел дух. И тут его живот громко заурчал. В строю стояла тишина, так что несколько ребят по соседству не сдержались и прыснули со смеху.

— Вы что там? Тишина! — негромко прикрикнул инспектор дисциплинарной палаты. — Е Мянью! Опять ты балуешься!

— Да не я это... — Е Мянью было до крайности обидно, он смотрел на инспектора, чьи брови сошлись на переносице грозной волной.

Утром он так и не позавтракал. Только-только зазубрив материал, он побоялся есть — стоит набивать желудок, как сразу клонит в сон, и в голове не останется ни строчки...

Наконец подошел черед Е Мянью. Ему досталась пятая глава «Да сюэ» — «Искренность помыслов». Как раз этот раздел он повторил особенно хорошо. Е Мянью втайне возликовал: тройка ему теперь обеспечена. Его лицо расслабилось, в миндалевидных глазах заиграла улыбка, и, покачивая головой в такт, он звонко зачитал наизусть:

— Под искренностью помыслов понимается отсутствие самообмана...

Ближе к концу он несколько раз запнулся, но подсказка экзаменатора не потребовалась. Когда Е Мянью закончил, главный экзаменатор погладил свою негустую бороду и поднял на него глаза. Е Мянью тут же воспользовался моментом и одарил его безупречной улыбкой — ни капли заискивания, никакого преувеличения, все к месту. Экзаменатор на мгновение опешил, а затем и сам слегка улыбнулся и, взмахнув кистью, вывел оценку «хорошо».

Едва Е Мянью, окрыленный успехом, отошел, стоявший рядом помощник экзаменатора удивленно приподнял бровь:

— Почему вы завысили оценку? В конце-то он запинаясь, тут максимум «удовлетворительно».

Главный экзаменатор добродушно усмехнулся:

— Зато держится славно. Не то что некоторые: выходят отвечать, будто на плаху идут. Смотришь на их кислые мины, и самому тошно становится.

Помощник спорить не стал и тоже усмехнулся. В конце концов, это всего лишь декадный экзамен в Императорской академии Гоцзысюэ, и небольшое снисхождение со стороны главного экзаменатора никакой беды не сулило.

Стоявший неподалеку один из наставников академии лишь покачал головой:

— Этот юноша — единоутробный брат господина Дуаньхуа. Как ему не быть обаятельным?

— Вот как? — удивился экзаменатор, присланный из Министерства ритуалов, и улыбнулся. — Хоть и мал еще, а держится с достоинством.

Наставник снова вздохнул:

— Какое там достоинство? Лишь бы не свел меня в могилу своими выходками, и на том спасибо.

В этот же день предстояло сдавать сочинение-рассуждение и анализ политики. По этим предметам Е Мянй гарантированно получал «неудовлетворительно», но, к счастью, результаты должны были объявить лишь через несколько дней. Дома его ждал привычный нагоняй от отца — дело житейское, обычная процедура, зато не придется терпеть позор и получать линейкой по ладоням на глазах у всех.

На следующий день до полудня сдавали верховую езду, стрельбу из лука и управление колесницей, а после обеда — музыку, живопись и математику.

Съев за завтраком на пару мясных лепешек больше обычного, Е Мянй сразу отправился на тренировочное поле Императорской академии Гоцзысюэ.

Здесь собрались ученики всех полутора десятков дворов, где обучались дети знати. Согласно жеребьевке и принадлежности к дворам, они выходили на поле группами по пять человек.

Ученики двора Цижуй сдавали первыми. Закончив, они не стали расходиться, а обступили площадку, наблюдая за остальными. Мальчишкам всегда нравилось смотреть на скачки, стрельбу и размахивание оружием. Стоило кому-то попасть в яблочко, как толпа взрывалась аплодисментами; если кто-то лихо держался в седле, ему кричали слова одобрения, а уж если кто-то с треском валился на землю, его нещадно освистывали и высмеивали.

Атмосфера на практических испытаниях была далеко не такой напряженной, как на письменных, да и экзаменаторы по военным искусствам охотно позволяли толпе шуметь и подзадоривать участников.

За верховую езду и управление колесницей Е Мянй получил «удовлетворительно», а вот стрельбу провалил на «неудовлетворительно». Впрочем, его это мало заботило: когда долгов без счета, одним больше, одним меньше — разницы никакой. Отец все равно не станет ругать его на час меньше только из-за того, что он избежал одной двойки.

Е Мянй стоял в обнимку с Вэй Аньюанем, с увлечением наблюдая за происходящим, когда Жуань Юньшэн, стоявший рядом, вдруг сильно ткнул его в бок пару раз.

— Ты чего?

Жуань Юньшэн мотнул головой в западную сторону, и Е Мянй посмотрел туда.

У западных ворот тренировочного поля появилась группа юношей. На всех были одинаковые шелковые накидки серовато-синего цвета, под которыми виднелись приталенные темно-синие костюмы для верховой езды с узкими обшлагами. Вышитые золотой канителью облака на их поясах сразу выдавали новый южный фасон. Волосы прищельцев были стянуты серебряными венцами, украшенными рубинами, которые ярко переливались на солнце.

Е Мянй прищурился. Среди двух десятков человек он с первого взгляда выделил того самого молодого князя, который велел ему «проваливать»...

Остальные ученики на поле тоже заметили новоприбывших и принялись перешептываться, собираясь кучками по трое-четверо.

— Разве их не освободили от зимних занятий на улице? Почему они пришли на декадный

экзамен?

— Тот, что идет впереди — это князь Жуннань? И правда, статный! Жаль, отсюда лица не разглядеть.

Е Мянй промолчал, но уверенным шагом направился к ним. Вэй Анъюань, Ли Чжао, Жуань Юньшэн и Вэнь Сюнь двинулись следом.

Лу Личжэн заметив приближающегося Е Мянй с компанией, просиял:

— Брат Мянй!

— Зачем вы пришли на поле? — спросил Е Мянй.

Лу Личжэн покосился на стоявшего поодаль князя Жуннань, который о чем-то беседовал с экзаменатором, и с унылым видом пожаловался Е Мянью вполголоса:

— Князь обозвал нас неженками, заставил руководство вернуть нашему двору уличные занятия, да еще и пригнал сдавать экзамен по всем правилам.

Ли Чжао усмехнулся:

— Да что вы там насдаете? Вы же всю зиму не занимались. Неужто каждый унесет домой по «неудовлетворительно»?

Лу Личжэн обиженно надул щеки:

— Кто это говорит? Пусть даже мы не сильны, у нас есть князь Жуннань! Да он даже если целый год заниматься не будет, все равно вас за пояс заткнет!

Ли Чжао не посмел прилюдно порочить Чжуан Сюя, поэтому лишь скрестил руки на груди и вздернул подбородок, всем своим видом выражая крайнее пренебрежение.

Е Мянй примирительно потрепал по голове надувшегося, словно рыба-фугу, маленького Лу Личжэна. По его мнению, Ли Чжао не преувеличивал. Юг действительно исстари славился талантами, особенно на государственных экзаменах последних лет: если не считать того года, когда сдавал его старший брат, южане раз за разом разбивали северян в пух и прах — смотреть было больно. Однако в верховой езде и стрельбе южные умники все же уступали им. Жаль только, что на государственных экзаменах военные искусства не проверялись...

Среди учеников ступени Ци этого года Ли Чжао и Ци Е считались лучшими наездниками и стрелками. Если не случится ничего непредвиденного, по результатам декадного экзамена они оба войдут в тройку лидеров, чьи имена вывешат на доске почета.

Тем временем Чжуан Сюй о чем-то договорился с экзаменатором. В итоге от двора Цинань сдавать практическую часть вышел он один.

На тренировочном поле воцарилось небывалое оживление. Мало того что все ученики ступени Ци остались посмотреть, так еще и отовсюду начали стекаться прослышавшие о происходящем старшие братья-ученики ступеней Чжи и Кунь.

Программа этого декадного экзамена включала пешую и конную стрельбу. При пешей стрельбе требовалось выпустить пять стрел по мишени на расстоянии в сто шагов — это было испытанием на меткость. Затем нужно было поразить дальнюю мишень на расстоянии ста

восьмидесяти шагов тремя стрелами — здесь уже оценивалась сила рук, а результат определялся по количеству попаданий.

Конная стрельба, как следовало из названия, представляла собой стрельбу на скаку по мишеням, расположенным в трех местах на расстоянии ста шагов. Это было крайне сложное упражнение, но если наездник поражал все цели, зрелище выходило невероятно красивым.

Перед выходом на рубеж Чжуан Сюй быстрым, уверенным движением развязал накидку и передал ее стоявшему рядом слуге. Под удивленный гул толпы Е Мянй приподнял бровь.

«Неужели боится, что накидка помешает движениям? И неужели ему совсем не холодно? Он ведь только-только приехал с юга...»

— Судя по его настрою, он метит в абсолютные победители и не потерпит ни малейшего промаха, — негромко заметил Вэй Аньюань. — Гордости ему не занимать.

Е Мянй промолчал, лишь смерил юношу холодным взглядом и усмехнулся.

Жуань Юньшэн слегка нахмурился:

— Не зря его сторонники хвастались, будто он может сравниться с самим Дуаньхуа. Что ж, посмотрим, на что он годен на самом деле.

Тем временем Чжуан Сюй уже занял позицию для пешей стрельбы. Стрела лежала на тетиве, но сам он замер, не совершая ни единого движения.

Прошло немало времени, и Вэнь Сюнь недоуменно спросил:

— Что он делает? Почему не стреляет?

Ли Чжао посерьезнел:

— Вычисляет скорость и направление ветра. Сосредоточенность отменная.

Е Мянй с друзьями стояли у самого края площадки, довольно далеко от Чжуан Сюя. Разглядеть лицо юноши отсюда было невозможно, но они отчетливо видели его стройный высокий силуэт. Он стоял непоколебимо, словно скала, и ничто в его осанке не выдавало дрожи от холода, которую предрекали злопыхатели.

На поле воцарилась тишина.

Вдруг плечи юноши едва заметно дрогнули — он скорректировал направление, и стрела со свистом сорвалась с тетивы.

Прямо в яблочко!

Прежде чем зрители успели опомниться, Чжуан Сюй один за другим выхватил из колчана за спиной еще четыре стрелы и выпустил их без малейшей запинки. Каждая из них вонзилась точно в центр мишени!

Стоявшие поодаль ученики двора Цинань подпрыгли от радости и разразились ликующими криками. Прежняя угрюмость и досада мигом испарились с их лиц, уступив место абсолютному торжеству.

Е Мянь, Ли Чжао и остальные тоже были поражены. Вэнь Сюнь недовольно проворчал:

— Подумаешь, невидаль какая! Наш братец Чжао тоже может уложить пять стрел в самую середину.

Тем временем Чжуан Сюй перешел к рубежу для дальней стрельбы. На этот раз он колебаться не стал: натянул лук во всю ширь плеч и выпустил стрелу. Все три его стрелы без промаха вонзились в мишень.

Вэнь Сюнь снова скривил губы:

— Братец Чжао тоже ни разу не промахнулся бы.

<http://bllate.org/book/18289/1753826>